

ИЗ ЗАМЕТОК О ГАПАКСАХ¹

I. *Время Бусово* в «Слове о полку Игореве» и *время бус* в XVII веке

В 1981 году М.А. Салмина, опираясь на довольно осторожное сопоставление стоящего в заголовке данной заметки «темного выражения» *время Бусово* из «Слова о полку Игореве» с названием кораблей *бусы* (ед. число *буса*), которое было сделано еще в 1926 году в украинской книге В.Н. Перетца «Слова о полку Ігоревім» (Київ. — С. 251, 264), высказала слабо аргументированное предположение о *времени бусовом* как о времени широкого использования *бус*, известных ей по материалам XV —XVI вв. (*время бусово* = *время бус*), не делая, однако, из этого никакого вывода о времени создания «Слова о полку Игореве». Это несколько легкомысленное и чреватое опасными последствиями предположение-«гипотеза», несмотря на то, что в истории русского языка совершенно неизвестна практика называния эпохи (времени) по использованию в ней особых мореходных или речных судов, получило поддержку А.Л. Никитина и Д.С. Лихачева (причем последний опирался на эту «гипотезу» в выявлении загадочных «новгородских элементов» в памятнике) и, к сожалению, нашло широкое отражение в малокритичной «Энциклопедии “Слова о полку Игореве”» (СПб., 1995. — Т. I. — С. 224-245; Т. II. — С. 53-54; Т. III. — С. 313, 325; Т. IV. — С. 262) с указанием соответствующих публикаций М.А. Салминой, А.Л. Никитина и воспроизведением статьи Д.С. Лихачева «Новгородские черты в “Слове о полку Игореве”» (1985) в т. III, с. 323-326, без ссылки на аналогичные исследования Ив.М. Кудрявцева (Т. III. — С. 110).

Дело в том, что известный специалист по истории русской судоходной терминологии и лексики «Слова о полку Игореве» Б.Л. Богородский (см. о нем в «Энциклопедии», Т. I, С. 129; без учета весьма важной статьи: Судовой термин *буса* // Псковские говоры, II (Труды второй Псковской диалектологической конференции 1964 года). Псков, 1968. — С. 240-250) на основании обильного

¹ Первая публикация: *Добродомов И.Г.* Из заметок о гапаксах // Русский филологический вестник. — № 2. — 1996. — С. 82-85.

материала памятников русской письменности по употреблению слова *буса* пришел к однозначному выводу: «XVII в. время наиболее широкого распространения этого слова. Термин употребляется, когда речь идет о плаваниях в устье Волги и по Каспию» (с. 241-242). «В течение XVIII в. термин *буса* стал выходить из употребления» (С. 248). В соответствии с этими наблюдениями Б.Л. Богородского, который не привлекал сюда таинственное *время бусово* «Слова о полку Игореве» (и вполне оправданно!), о *времени бус*, очевидно, можно было говорить только тогда, когда оно было в более или менее отдаленном прошлом: такой «термин» мог возникнуть не ранее XVIII века, откуда логически можно делать вывод о создании «Слова о полку Игореве» в XVIII веке. Ни один из скептиков никогда не думал, что они могли получить столь нужные для них аргументы о позднем происхождении памятника из рук М.А. Салминой, А. Л. Никитина и Д.С. Лихачева, из которых последний особенно много воевал со скептиками, но с использованием слова *буса*, историю которого он не знал, оказался в скептическом лагере.

Избежать конфуза можно только одним способом: отвергнуть недалёковидные и поспешные предположения М.А. Салминой и ее прозелитов как явно ошибочные, а в дальнейшем осторожно думать о тех неприятных последствиях, к которым могут привести неосмотрительные и скоропалительные гипотезы».

Загадочное *время бусово* (Бусово?) «Слова о полку Игореве» по-прежнему остается «темным местом» и камнем преткновения для неосторожных любителей и профессионалов этого замечательного памятника древнерусской литературы.

II. Что такое *распана*?

В договорной грамоте 1433 г. князя галицкого Юрия Дмитриевича великому князю Василию Васильевичу, хранящейся в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА: Гос. древлехранилище, отд. I, рубр. II, № 18) встречается загадочное слово *распана* в фразе:

А что еси платил в Ордѣ за мою отчизну, за Звенигород и за Галич, два выхода и с распанами, а о том ми с тобою розчестисѧ, и чего сѧ не оточтус(ь), и мнѣ то тебѣ поднати тѣ выходы.

В соответствующей грамоте великого князя Василия Васильевича князю Юрию Дмитриевичу встречается аналогичная фраза:

А что есмь платил в Ордѣ за твою вотчину, за Звенигород и за Галич, два выхода и с распанами, а в том нам с тобою розчестисѧ, и чего сѧ не вточтешь, и тобѣ то мнѣ поднати тѣ выходы. (Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV-XV вв. — М.; Л., 1950. — С. 77, 80).

Единственная известная мне попытка выяснить значение этого загадочного термина принадлежит Г.Е. Кочину в его «Материалах для терминологического словаря древней России» (М.; Л., 1937. — С. 296) на основе этого материала, она свелась к постановке вопросительного знака: «**Распаны (?)**» и к приведению краткой цитаты из указанного источника по другому изданию.

Невозможность раскрыть семантику слова из данного единственного контекста, а также из словообразовательной структуры этого, вероятно, заимствованного слова, заставляет искать источник слова в других языках, среди которых в первую очередь должны быть привлечены тюркские языки, столь естественно всплывающие при изучении терминологии, связанной с Золотой Ордой. Хотя начальный согласный *p*- исконно чужд тюркским языкам, такое слово обнаруживается как заимствование в узбекском языке: *расмона* [фонетически *рӑсмӑнӑ*] ‘обычный, обыкновенный, привычный’ (Узбекско-русский словарь/ Гл. редактор А.К. Боровков. — М., 1959. — С. 340). Но в русский текст начала XV века слово попало, конечно, не из узбекского языка, где оно сохранилось и сейчас, а из такого старого тюркского языка, где оно звучало как *распана*, подчиняясь фонетическому закону изменения сочетания *-см-* в *-сп-*, как это имеет место, например, в современном ногайском, каракалпакском и казахском языках: широко известное в тюркских языках слово *басм* ‘клеймо, печать и т. п.’ в этих языках имеет вид *баспа* ‘издательство, печать и т. п.’; во многих тюркских языках *тасма* ‘лента, тесьма’ — ног., каракалп., казах. *таспа*; аналогично

кирг., татар., уйгур. и др. *асма* ‘подвески’ — ног. *аспа* ‘лямка’, каракалп., казах. *аспа* ‘висячий’ и т.п. Сходным образом глагольный отрицательный аффикс *-ма* в этих языках после *-с-* регулярно приобретает облик *-на*: *бас!* «дави!» — *басма!* «не дави!», ног., каракалп., казах. *бас!* — *баспа!* и т.п.

Следовательно, можно предполагать, что обработанное фонетически в духе ногайского языка слово *распана* могло обозначать какие-то постоянные, регулярные поборы в связи с семантикой этого слова ‘обычный, привычный’ и соотноситься с русским словом *пошлина*.

В связи с этим возникает вопрос о противопоставлении термина *распана* ‘пошлина’ и более известного названия ордынской дани *выходъ*, которые здесь оба встречаются в одном контексте.

Исконное русское слово *выходъ*, в качестве названия ордынской дани является семантической калькой, воспроизводящей внутреннюю форму не столько арабского *خراج* *харадж* ‘выход’ и ‘поземельный налог’, сколько аналогичных по внутренней форме тюркских *тыш* и *чыгыш*: все эти термины обозначают, во-первых, ‘выход’, а во-вторых, ‘подать’, ‘дань’, будучи семантическими производными от первоначального значения ‘выход’ (см. об этом: *Добродомов И.Г.* *Выходъ, туска, харадж и другие фискальные термины в языках Среднего Поволжья // Диалекты и топонимия Поволжья. — Вып. 3. — Чебоксары, 1975. — С. 42-53*).